

Бухаров Д. Н.
D. N. Buharov

**ПСИХИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЦЕННОСТЬ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА**

**MENTAL POTENTIAL AS A PRIORITY VALUE AND ITS IMPACT
ON THE IDENTITY OF THE PERSON**

Бухаров Денис Николаевич – аспирант кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права (Россия, Иркутск); 664009, г. Иркутск-9, а/я 253; 89041236705. E-mail: buharov_den@mail.ru

Mr. Denis N. Bukharov – PhD Candidate, Department of Philosophy, Baikal State University of Economics and Law, city of Irkutsk-9, PB 253; mobile: 89041236705. E-mail: buharov_den@mail.ru

Аннотация. В статье утверждается наличие непосредственной связи, существующей между приоритетной ценностью человека и его идентичностью. В качестве приоритетной ценности автор берет человеческую самость (взятую в ее психической представленности) и исследует влияние, оказываемое установкой на утверждение данной ценности на идентичность человека. Идентичность человека, формируемая под влиянием данной установки, обозначается автором как «Я-контур». В статье дается характеристика данного типа идентичности.

Summary. The paper argues a direct relationship between the priority value of a person and his/her identity. The author takes up the human self (taken in its mental aspect) as a priority value and explores its impact on the identity of a person. The identity of a person, formed under the influence of this value, is designated by the author as the "I-contour" identity. There is a specification of this type of human identity in the paper.

Ключевые слова: ценность, самость, ум, душа, идентичность человека, «Я-контур», абсурд, индивидуальность, персональность, социализация.

Key words: value, the self, mind, soul, personal identity, "I-contour" identity, absurd, individuality, personality, socialization.

УДК 141.32:17.022.1

Человек не может жить без ценностей - в жизни каждого присутствует нечто такое, что рассматривается им как самое существенное. Так, С. Кьеркегор, обозначая ценность как предмет серьезности человека, отмечал, что такой предмет присущ каждому человеку – ибо это есть он сам [4, 237]. Отсюда ясно, что не будь у человека никакой ценности, в плане субстанциональной значимости не было бы и его самого. Исходя из этого, очевидно, что ценность, будучи, по словам С. Кьеркегора, «самим человеком», является тем единственным, на реализацию и сохранение чего направляется большая часть усилий, действий и времени человека. Другими словами, человек верно служит своей ценности, утверждая ее как в самом себе, так и в окружающем мире. При этом, по словам Г. Марселя, человек, посвящая какой-то ценности свою жизнь, в результате имеет то, что эта ценность освящает его жизнь [6, 143]. Служа своей ценности (осуществляя те или иные действия по отношению к ней), человек способен придать своей жизни определенный вид «освящения», выражающийся в оказании определенного типа влияния ценности на его идентичность.

В данной статье мы ставим перед собой следующие задачи: во-первых, рассмотреть случай, когда в качестве приоритетной ценности выступает самость человека; во-вторых, выявить действия, которые человек склонен совершать для утверждения данной ценности, и, наконец, в-третьих, рассмотреть тип идентичности, формируемый у него под влиянием самости как ценности. Во избежание недоразумений, сразу отметим, что в данном случае самость рассматривается нами не в качестве мистической сущности человека (как, например, это делает Б. П. Вышеславецев), а в качестве представленности человека как налично данного, существующего. Именно в таком смысле данная категория употреблялась А. А. Ухтомским,

П. А. Флоренским, Л. П. Карсавиным, Х. Ортегой-и-Гассетом, Э. Мунье, В. В. Бибихиным, когда они рассматривали категорию «самоутверждение».

А. А. Ухтомский определяет самоутверждение как формальное настаивание человека на своем пустом существовании, как возвращение к «максимуму жизнесохранения», как борьбу человека лишь «во имя свое, человеческое, во имя удобства, счастья, комфорта» [9, 325]. Самоутверждение рассматривается в качестве стремления человека достичь как можно более прочного положения в рамках наличного бытия, целью которого, в свою очередь, является обретение им состояния покоя, отсутствия напряжения или, если использовать фрейдовскую терминологию, состояния гомеостаза, принимаемого за счастье. П. А. Флоренский определяет самоутверждение несколько с иной стороны – в качестве «самоупора вне выхождения из себя» [10, 160] – в качестве желания человека занять как можно более высокое и независимое положение в наличном бытии, выступающее как следствие раскрытия его психического потенциала. Таким образом, самоутверждение есть стремление человека провести утверждение собственной самости по двум альтернативным направлениям: утверждение себя в качестве просто существующего, кровно заинтересованного лишь в самосохранении тела, либо же утверждение себя в качестве влиятельной персоны. Выделение данных направлений становится возможным вследствие проведения различия между двумя производными от самоутверждения установками: на придание приоритета телу по отношению к психике, и придание приоритета психике по отношению к телу. Заметим, что данные направления не являются взаимоисключающими. Вопрос здесь заключается только в том, какой смысл в каждом конкретном случае закладывается в категорию самость.

В данной статье мы рассмотрим утверждение в качестве ценности самости человека, понимаемой как его психика (В. Франкл), душа (Н. А. Бердяев). В рамках данного направления человек стремится к как можно более полному раскрытию своей сущности, рассматриваемой им как совокупность его физиологических и психических сил (тела и ума). Человек в данном случае склонен считать, что для раскрытия его сущности ему не нужно предпринимать абсолютно никаких «восхождений», поскольку раскрываются данные потенции естественно, согласно заданной природой логики. Именно в данном «фокусе, когда последнее искомое объявляется найденным с самого начала, а все остальное отправляется от этого мнимо-найденного» [9, 393], видит начало самоутверждения А. А. Ухтомский. Другими словами, самоутверждение данного вида имеет место тогда, когда у человека нет стремления, проделав определенный путь, найти себя. Напротив, он считает, что никаких усилий ему прилагать не нужно, поскольку его изначальная представленность в качестве налично данного существа – это и есть его истинная и конечная идентичность. В подобном мировоззрении К. Ясперс видел для человека огромную угрозу: «Опасность для человека заключается в самоуверенности, будто он уже есть то, чем он мог бы быть» [13, 453].

Наиболее выражено стремление к самоутверждению как к утверждению самости в качестве высшей ценности «Я!» может быть представлено в законе тождества $Я=Я$. Суть этого закона достаточно подробно была рассмотрена П. А. Флоренским в работе «Столп и утверждение истины». Прежде всего, П. А. Флоренский отмечает, что самоутверждающееся «Я», утверждая себя, одновременно проводит отрицание всех других «Я» – противопоставляет себя им, поскольку видит в них конкурентов и угрозу самоутверждению: «Вне себя Я ненавидит всякое Я, ибо для него оно не-Я, и, ненавидя, стремится исключить его из сферы бытия...» [10, 51]. Источником данной ненависти является страх самоутверждающегося, с одной стороны, не получить, а, с другой стороны, потерять доступ к различного рода средствам самоутверждения: «Под углом зрения закона тождества, все бытие, желая утверждать себя, на деле только изничтоживает себя, делаясь совокупностью таких элементов, из которых каждый есть центр отрицаний, и притом только отрицаний; таким образом, все бытие является сплошным отрицанием, одним великим "Не"» [10, 50]. Кроме того, следуя закону тождества, «Я» противопоставляет свое настоящее своему прошлому и будущему так, как если бы они были не его, то есть рассматривает их как нечто для себя «вне-положное». Даже на уровне своего «Я» человек получает неразрешимое противоречие с самим собой, что в итоге приводит к разрыву, дроблению и разногласию уже внутри его единого «Я»: «Я не выносит себя же во времени, всячески отрицает себя самого в прошлом и будущем, и, тем самым, – так как голое "теперь" есть чистый нуль содержания, – Я ненавидит всякое конкретное содержание, то есть всякую свою же жизнь» [10, 51]. Другими словами, подобное пребывание «Я» в состоянии противоречия с другими и даже с самим собой говорит о том, что сама жизнь отрицается им. «Я» восстает против жизни и любого жизненного содержания, проявись оно в ком-то другом или же даже внутри него самого: «я принадлежу себе» есть

Бухаров Д. Н.

ПСИХИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЦЕННОСТЬ

И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

утверждение, разрушающее самое себя, поскольку «я» здесь является отрицанием вообще любого мыслимого содержания» [5, 36]. Таким образом, вместо того, чтобы способствовать синтезу, сосредоточенности «Я», самоутверждение оказывается ничем иным, как вызовом всему, что им не является: «Я!». Подобный вызов С. Кьеркегор обозначал как вызов всеобщему: «Всякий раз, когда единичный индивид, войдя во всеобщее, ощущает стремление утвердиться в качестве единичного, он оказывается в состоянии искушения...» [4, 53]. Искушение может быть понято как желание поставить себя независимо и выше всего и сделать из себя единственную точку реальности – центр. В этом вызове единое «Я» распадается на отдельные бессодержательные образы и заключается самое в себе, то есть становится тюрьмой для себя же. Отсюда: само-заклочение «Я» есть в первую очередь его замкнутость на самом себе, которая проявляется как желание, во-первых, свести все содержание «Я» к содержанию его самости, а, во-вторых, как стремление объяснить все посредством «Я». В результате этих устремлений происходит так, что самость «застилает» собой глаза человека и не дает ему рассмотреть, что на самом деле представляют из себя он сам и окружающий его мир.

Самость диктует человеку определенное видение мира, в центре которого, естественно, она и располагается. Отсюда человек воспринимает как угрозу или, наоборот, как благо все то, что является угрозой/благом по отношению к самости. Этот момент достаточно подробно разработан А. А. Ухтомским в его концепции Двойника. Двойник, по А. А. Ухтомскому, есть самозамкнутое, самоутверждающееся, самооправдывающееся «Я» человека, навязывающее ему свое мировосприятие. Подобное навязывание приводит к тому, что человек начинает видеть в окружающих людях то, что есть в нем самом – качества своей собственной самости: «Когда люди осуждают других, то тем только обнаруживают своего же, таящегося в себе Двойника: грязному в мыслях все кажется заранее грязным; завистнику и тайному стяжателю чудятся и в других стяжатели; эгоист, именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами» [9, 363]. Подобное видение мира обрекает человека на бесконечное лицемерие качеств своей собственной самости: куда бы он ни посмотрел, везде его преследует его Двойник: «... везде он обречен видеть только самого себя, ибо приучился все рассматривать только через себя» [9, 392].

Под влиянием установки человека на утверждение себя в качестве приоритетной ценности у него формируется идентичность, которую мы обозначили как «Я-контур». Основная причина того, что он нами обозначен таким образом, является то, что «контур» представляет собой своего рода эскиз «образа» человека, его грубую обрисовку, когда уже вырисовываются его основные черты, но вот выражение, «содержание» лица еще не определено.

Человек данного типа через социализацию оказывается способен раскрыть в себе потенциал, заключающийся в психологической компоненте его сущности и характеризующийся большей мощью по сравнению с телесным потенциалом. Можно сказать, что жизнь «Я-контура» проходит в двух измерениях - в измерениях природной и социальной компонент, исходя из чего он может быть обозначен как двухмерный. Его идентичность есть совокупность нескольких точек-идентичностей, каждая из которых есть определенный способ выражения человеком себя, демонстрируемый им в процессе общения с окружающими - вступая в отношения с другими людьми и выступая в той или иной социальной роли, ему так или иначе приходится проявлять себя.

Важной особенностью человека типа «Я-контур» в отличие от «Я-точки» [2, 170-177] является то, что он в отличие от последнего способен «пересекаться» с другими «контурами» - иметь с ними «точки» соприкосновения. Однако эти отношения поверхностны и ограничиваются уровнем знакомства, стремлением к взаимной выгоде и обменом сообщениями. Состояние, в котором по отношению к Другому пребывает человек подобного типа, может быть охарактеризовано как «закрытая открытость». В своем общении он открыт, но до какого-то определенного уровня.

В связи с социализацией человека типа «Я-контур» необходимо отметить также, что для ее успешного прохождения ему важно быть психологически постоянным: насколько это возможно, избегать различного рода психологических провалов, выступающих препятствием к коммуникации. Человек в данном случае изо всех сил стремится сохранить свою так называемую психологическую непрерывность, которая наряду с психологическим комфортом выступает его основной заботой. Таким образом, вопрос о критерии постоянства (тождества) человека типа «Я-контур» может быть разрешен следующим образом: человек в разные промежутки времени остается одним и тем же в том случае, если его психические проявления,

зафиксированные в один момент времени, совпадают с его психическими проявлениями в другом моменте времени.

Точки-проявления, образующие «контур» человека данного типа, могут обретаться им двумя способами. Первый способ связан с раскрытием человеком в себе такого качества, как индивидуальность.

Индивидуальность определяется как врожденные качества человека. Она есть нечто такое, что присуще человеку – его индивидуальный, ни на что не похожий способ самовыражения (то, что называется способностью «быть собой»), который, по словам Г. Марсея, дан если и не непосредственно, то, по крайней мере, через таких таинственно прозрачных посредников, как голос и взгляд [5, 95], которые, заметим, впервые оказываются способными к раскрытию человеком в обществе других людей. Раскрывая в себе собственную индивидуальность, человек типа «Я-контур» уже самой этой возможностью отличается от типа «Я-точка». В отличие от последнего, его содержание уже невозможно исчерпать его родовой характеристикой, а он сам не может быть описан по аналогии с ему подобными, как это возможно в случае с «Я-точкой». Это вытекает из того, что «Я-контур», благодаря индивидуальности, сумел выделиться из «массы» и теперь представляет собой нечто единственное в своем роде, оригинальное, отличающееся от другого и других. В силу определенного внутреннего прогресса он обладает большей привлекательностью по сравнению с «Я-точкой», привлекательность которого зачастую носит чисто внешний характер. В этом смысле «Я-контур» близок к человеку типа «Я-образ» [2, 197-204].

Раскрытие человеком своей индивидуальности, по словам Н. А. Бердяева, часто означает раскрытие в нем иррационального начала, противоположного общему, обязательному, разумному, нормативному [1, 187]. Индивидуальность подразумевает выход человека за рамки некоего «разумного» шаблона, устанавливаемого обществом, и создание им собственной индивидуальной формы самовыражения. Однако вопрос, будет ли через эту форму выражаться что-то более содержательное, чем самость человека, остается открытым. Таким образом, индивидуальность может быть определена как поиск человеком себя своеобразного в рамках общества. Подобный поиск происходит следующим образом.

Пытаясь найти себя в рамках общества, человек, прежде всего, обращает свой взор на тех, кто его окружает, и затем соотносит себя с уже проявленными идентичностями других людей, то есть с чем-то объективным, конкретным, реально существующим, а затем с неким идеалом или образцом, в качестве которых могут выступать, к примеру, идентичности гениев или святых. В процессе этого соотнесения происходит отсев тех проявлений-точек, которые психологически близки лично ему, то есть тех способов самовыражения, которые человек рассматривает для себя как естественные. Из этих точек постепенно складывается особая, свойственная именно этому человеку линия поведения в обществе. Однако эта связанная линия становится возможной только в том случае, если отбор образующих ее точек-идентичностей происходит осознанно, исходя из их близости человеку, но не из соображений его наилучшей приспособленности к общественным запросам. При выполнении данного условия можно говорить о том, что человек в результате уделения такого внимания своей внутренней реакции на предлагаемые ему точки-идентичности постепенно становится близок к идентичности типа «Я-образ». Социализацию подобного рода можно назвать «своеобразной» социализацией в том смысле, что человек в процессе нее раскрывает свое своеобразие.

Другой путь образования человеком себя как «контура» имеет место при его ориентации на адаптацию к требованиям, предъявляемым со стороны общества. Подобного рода ориентация может быть обусловлена многими причинами, однако здесь мы в качестве основной выделим ту, что в свое время была сформулирована С. Кьеркегором. Суть ее состоит в том, что человек, увидев вокруг себя столько людей, взвалив на свои плечи столько человеческих забот, попытавшись уяснить, каким образом идет повседневная жизнь, забывает о себе самом, не осмеливается в себя верить и считает слишком дерзким быть собою [4, 271]. Это приводит к тому, что он стремится «сгладить углы» собственного «контура» и тем самым сделать из себя нечто общепринятое. Тем самым он уходит от раскрытия в себе своей изначальной структуры – отказывается от того, чтобы быть самим собой. При этом имеется большая вероятность того, что отбираемые подобным человеком в процессе адаптации способы его самовыражения не составят связного контура, и вместо четко обозначенных черт человека получится хаотичный набор точек-идентичностей, разбросанных в пространстве, при попытке увязывания которых получится нечто несуразное, лишь очень отдаленно напоминающее человеческое лицо. В этом случае человек оказывается в состоянии неопределен-

Бухаров Д. Н.

ПСИХИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЦЕННОСТЬ

И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

ности, когда он уже не «Я-точка», но еще и не совсем «Я-контур». Сущность подобного рода идентичности заключается в поиске человеком себя через подобие с целью выбора наиболее выгодных, но не обязательно близких ему точек-идентичностей. Человек в этом случае создает себя сам (и относится поэтому к категории self-madepeople), но делается им это, прежде всего, из соображений наиболее выгодной для него социализации. Это приводит к тому, что он начинает относиться к самому себе как к управляющему определенного рода проектом, в качестве которого он сам и выступает.

Рассматривание человеком себя как проекта, по словам Г. Л. Тульчинского, ставит перед ним проблему реализации себя как бренда. При этом, пишет он, речь идет о довольно конкретной технологии разработки и реализации такого бренда, который включал бы выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации. Здесь по отношению к человеку применяется маркетинговая технология по формированию им собственной востребованности не только на рынке труда, но и в социальных отношениях, личной жизни, в быту. Срок жизни такого личного проекта, по словам Г. Л. Тульчинского, совпадает со сроком «жизни» товаров и соответствующих брендов - не более 5-7 лет [8, 54]. Безусловно, что коммерческий проект, осуществляемый в данном случае, может оказаться вполне успешным, но вот в плане сущностного раскрытия человека он способен привести его к полному провалу. Обретаемая идентичность имеет для него скорее витальное, чем сущностное значение, а своеобразие, присущее ему от природы, не раскрывается. В этом случае осуществляемая человеком социализация может быть обозначена как «анонимная», потому как здесь он уходит от своей индивидуальности и становится очень близок к идентичности типа «Я-точка» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Снисхождение до уровня «Я-точка» проявляется в том, что человек, несмотря на свою представленность в виде совокупности нескольких точек-идентичностей, по-настоящему пребывает только в одной «точке» (в одной социальной роли), тогда как в других ролях он представлен только отчасти. Пребывание в других точках-идентичностях по сравнению с данной есть не что иное как вынужденная мера, предпринимаемая подобным человеком в силу необходимости так или иначе встраиваться в общество. Представленность человека в этих «точках» есть своего рода игра в кого-то или стремление казаться кем-то. Нетрудно заметить, что человек, осуществляющий выход в общество через адаптацию к требованиям последнего, выходит из состояния «точки» не в полной мере - выходит иллюзорно. По сути, он «точкой» и остается со всеми характерными для нее последствиями и свойствами, которые мы уже рассмотрели.

В целом, об идентичности типа «Я-контур» можно сказать, что она есть своего рода промежуточная стадия движения человека от идентичности типа «Я-точка» к идентичности типа «Я-образ». Она есть выражение персональности (Э. Мунье), на которую наталкивается человек, стремясь реализовать себя как личность, и которая имеет возможность как способствовать, так и препятствовать его определению и реализации [7, 62]. Представленность персональности в качестве препятствия состоит в том, что гарантий того, что человек подобного типа не остановится на данной стадии и пойдет дальше к «Я-образу», нет. Подобная ситуация имеет место постольку, поскольку несмотря на способность человека, обладающего персональностью, к самоотречению, она всегда, по словам Э. Мунье, претендует на нечто конечное, всегда цепляется за него [7, 62]. В качестве конечного в данном случае выступает определенный внутренний (психологический) успех, достигнутый человеком на этом этапе, благодаря которому этот тип идентичности может быть рассмотрен человеком как целевой и окончательный. Человек типа «Я-контур», остановившийся на данном этапе, отрицает за собой возможность стать качественно иным, чем то, что представляет собой изначально, и делает ставку на развитие своего «количественного» потенциала. При этом он хочет стать самым значительным. Слово «значительность» является ключевым для понимания человека такого типа, поскольку именно значительность является его ведущим тяготением. Стремясь к ней, он использует любую возможность для собственного возвышения и продвижения. Целью деятельности человека такого типа являются его самореализация и самоактуализация, выступающие в качестве конечной цели осуществляемой им деятельности.

Человек указанного типа стремится раскрыть себя, не имея при этом ответа на вопрос: для чего он это делает? Прежде всего, это объясняется тем, что данное стремление характеризуется его направленностью не на реализацию какого-то дела, а направленностью на самого себя. В результате, конечная цель, заключающаяся в осуществлении себя через реализацию смысла, таким человеком не достигается. Здесь имеет место ситуация, описанная В. Франклом следующим образом: «Подобно тому, как бумеранг возвращается к бросивше-

му его охотнику, лишь если он не попал в цель, так и человек возвращается к самому себе и обращает свои помыслы к самоактуализации, только если он промахнулся мимо своего призвания» [12, 59]. Человек такого типа может быть охарактеризован по аналогии с абсурдным человеком А. Камю. Так же, как и последний, он отдает себе отчет в том, что окружающий его мир и его собственное существование бессмысленны, однако не стремится преодолеть данное положение путем нахождения смысла. Он занимает себя бунтом против бессмыслицы: в этом бунте, по словам А. Камю, собственно, и состоит его постоянная данность самому себе [3, 260]. Он живет этим бунтом, в нем же он исчерпывает и изживает самого себя. В данном контексте фраза «исчерпать себя» имеет смысл, отличный от смысла, заключенного во фразе «отдать себя». В этом случае в ней заключен оттенок безнадежности и отчаяния, поскольку тогда, как начало раскрытия подобного типа человека отмечается его привлекательностью и эффективностью, результат, к которому он в конечном итоге приходит, есть постепенное угасание его возможностей. Здесь вполне справедливо прозвучат слова П. А. Флоренского: несмотря на то, что порывы человека, существование которого не пронизано смыслом, могут казаться красивыми, но дайте им волю, и личность сама поспешит бежать от сделанного [11, 158].

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы. Во-первых, человек, сконцентрированный на заботе о собственной самости, закрывает себя от других имеющихся у него возможностей, среди которых главной является его способность озаботиться чем-то помимо своих непосредственных интересов. Во-вторых, утверждение человеком самости в качестве высшей ценности приводит к утере его значимости в целом. И, наконец, в-третьих, стремясь сохранить себя в качестве личности (в рассмотрении Э. Мунье), он утрачивает себя в качестве возможного существа – существа, способного на раскрытие в себе потенциалов, отличных от данных ему в качестве природного существа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды / Н. А. Бердяев. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – 312 с.
2. Бухаров, Д. Н. Приоритетные ценности и преемственность определенного типа идентичности / Д. Н. Бухаров // Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей : моногр. / Д. Н. Бухаров, Е. И. Надыкто, В. А. Неудакин, Р. К. Омельчук, С. А. Павленко, А. В. Рудых, О. К. Токтомагов; Вост.-Сиб гос. академия образования. – Иркутск: Вост. Сиб. гос. академия образования, 2011. – С. 145-204.
3. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // Сумерки богов; сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. – С. 222-318.
4. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. – М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1998. – 384 с.
5. Марсель, Г. Опыт конкретной философии / Г. Марсель. – М.: Республика, 2004. – 224 с.
6. Марсель, Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы / Г. Марсель. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 328 с.
7. Мунье, Э. Манифест персонализма / Э. Мунье; пер. с фр.; вступ. ст. И. С. Вдовиной. – М.: Республика, 1999. – 559 с. – (Мыслители XX века).
8. Тульчинский, Г. Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности / Г. Л. Тульчинский // Вопросы философии. - 2009. - № 4. - С. 41-56.
9. Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
10. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. А. Флоренский. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 640 с.
11. Флоренский, П. А. Философия культа (Опыт православной антропологии) / П. А. Флоренский; [сост., автор вступ. ст. С. Г. Антоненко, авторы вступ. ст. и коммент. С. М. Половинкин, игумен Андроник (Трубачев)]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 158.
12. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл; ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. / К. Ясперс. - 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

ПРИМЕЧАНИЕ

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 11-33-00111a2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»).